

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 291.11

doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-14-20

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI В.

© *Евгения Анатольевна Козлова*

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
kozlova13ea@mail.ru

Аннотация. Представлен социально-философский анализ социокультурных последствий деструктивной сексуальности в социальном пространстве XXI в. Показано, что проявления деструктивной сексуальности многообразны в той же степени, сколько и ее последствия. Если учесть, что фундаментальным последствием конструктивной сексуальности является появление новой жизни и утверждение ее в бытии, то, соответственно, главным и универсальным последствием деструктивной сексуальности является уничтожение, разрушение, разложение или непоявление жизни, что инициирует или приближает небытие. Утверждается, что удерживать деструктивные проявления можешь лишь высокий уровень развития культуры в обществе.

Ключевые слова: секс, культура, деструкция, сексуальность, деструктивная сексуальность, конструктивная сексуальность, общество, философия.

Для цитирования: Козлова Е.А. Социокультурные последствия деструктивной сексуальности в социальном пространстве XXI века // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 105. № 4. С. 14-20. doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-14-20

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Sociocultural consequences of destructive sexuality in the social space of the 21st century

© *Evgenia M. Kozlova*

Don state technical university, Rostov-on-Don, Russian Federation
kozlova13ea@mail.ru

Abstract. The article provides a socio-philosophical analysis of the socio-cultural consequences of destructive sexuality in the social space of the 21st century. The author believes that the manifestations of destructive sexuality are as diverse as its consequences. If we consider that the fundamental consequence of constructive sexuality is the emergence of a new life and its establishment in existence, then, accordingly, the main and universal consequence of destructive sexuality is the destruction, destruction, decomposition or non-emergence of life, which initiates or brings closer non-existence. It is argued that only a high level of cultural development in society can keep destructive manifestations.

Key words: sex, culture, destruction, sexuality, destructive sexuality, constructive sexuality, society, philosophy.

For citation: Kozlova E.M. Sociocultural consequences of destructive sexuality in the social space of the 21st century. *The Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 105. No 4. P. 14-20. doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-14-20

Введение

Проявления деструктивной сексуальности многообразны в той же степени, сколько и ее последствия. Если учесть, что фундаментальным последствием конструктивной сексуальности является появление новой жизни и утверждение ее в бытии, то, соответственно, главным и универсальным последствием деструктивной сексуальности является уничтожение, разрушение, разложение или непоявление жизни, что инициирует или приближает небытие.

Следует сразу отметить, что далеко не все последствия применения сексуальности деструктивного типа от одного лица другому имеют всегда прямые и явные последствия. Поэтому стоит признать, что «общественная опасность заключается в последствиях, кото-

рые происходят после применения преступником мер издевательства к пострадавшему» [7, с. 187]. При этом под издевательством следует понимать умышленное причинение вреда с помощью запугивания, физического и сексуального насилия, унижения и иных изощренных методов причинения умышленного вреда и страданий жертве.

Обсуждение

Садизм как одно из наиболее характерных проявлений деструктивной сексуальности можно обнаружить во все времена человеческой истории. И прав Ю.М. Антонян в том, что «всегда были люди, которые могли решать свои проблемы только путем грубого, даже жестокого насилия; они должны были мучить других, чтобы утвердиться самим, удержать и укрепить свою власть, причем не обязательно политическую, государственную, но и власть в семье, общине или иной малой группе; они должны были иметь власть над другим, лучше – другими, чтобы обеспечить свою безопасность и создать условия для достижения стоящих перед ними целей» [2, с. 59].

Подчеркнем, что практически во всех формах садизма прослеживается жажда абсолютной и неограниченной власти над другим живым существом, не имеющим возможности защититься. Садист всегда стремится унижить, поработить или уничтожить другого, превратить его в свою игрушку, в свою вещь, не встречая отпора или сопротивления. И поскольку почти у каждого человека есть как правило те, кто находится в его распоряжении (подчиненные, дети, жены, животные, заключенные, душевнобольные, школьники, мелкие чиновники и т.п.), всегда найдутся те, кто может проявить садизм сексуального или внесексуального характера. Во всех случаях он будет иметь глубокие социально-психологические последствия для его жертв: начиная от появления аддиктивного поведения, заканчивая глубокими психическими травмами, отклонениями и болезнями, ломающими и разрушающими полноценное самоосуществление в течение жизненного пути человека.

Возможно поэтому жертвы деструктивной сексуальности садизма, вырастая, лишаясь возможности нормального развития и самореализации, зачастую сами становятся садистами, утратившими надежду на полноценное и счастливое существование. Не случайно Э. Фромм напрямую связывает рост деструктивности с крушением надежд у человека, считая, что ненавидящий жизнь человек – тот, кто утратил веру в лучшее и потерял всякую надежду на это: «Он хочет отомстить за свою несостоявшуюся жизнь и делает это, ввергая себя в тотальную деструктивность, так что не имеет особого значения, разрушает ли он других или сам подвергается разрушению» [15, с. 235]. Это во многом объясняет, почему массовое крушение надежд приводит к моральной деградации общества, росту преступности, деструктивности, социального пессимизма и маргинализации общества. Возможно, поэтому даже при учете принятия идеи о принципиальной невозможности искоренению садизма и или иной формы деструктивной сексуальности важно помнить и знать о том, что его масштабы всегда можно уменьшить. Это становится возможным за счет создания благоприятных социокультурных условий, позволяющих формировать здоровую гармоничную личность, обладающую позитивной свободой как основной для дружбы, любви, секса и гармоничной самореализации личности.

Отсутствие таких условий приводит к росту насилия, в том числе и убийств. Поиск причин роста насилия на макроуровне приводит к социально-исторической и политической детерминации данных явлений. Поэтому трудно не согласиться с Ю.А. Шестаковым, что «колоссальное увеличение деструктивного влияния антропогенных факторов на культурное наследие человечества обусловлено снижением степени осознания роли аккумулятивных процессов историко-культурного развития» [16, с. 3]. Поэтому необходим отказ от недалекой установки «жить в отсеке сегодняшнего дня» и наслаждаться сиюминутными сомнительными садистскими удовольствиями, приводящими к деструктивным последствиям.

Исследования подтверждают, что именно деструктивный сексуальный садизм в совокупности с некрофилией, что дает основание для применения термина «некросадизм», лежит в основе патологической криминальной мотивации серийных сексуальных убийств. В каче-

стве яркого подтверждения данного тезиса Ю.М. Антонян пишет о печально известном маньяке А.Р. Чикатило, импотенте и пассивном гомосексуалисте, убившем с особой жестокостью 53 человека: «Почти всех их он пытал и мучил; в беседе со мной рассказал, что оргазм у него наступал при виде предсмертных конвульсий и страданий. После совершения очередного преступления воспоминания о нем были столь сильными и сладостными, что он не мог себя сдерживать и вновь убивал. Ни одну свою жертву он не изнасиловал» [1, с. 42]. Если в случаях несерийных убийств и изнасилований садизм зачастую стимулируется местью за сопротивление жертвы и стремлением его подавления, то серийные убийства на сексуальной почве практически всегда совершаются сексуальными неудачниками, которые вымещают на жертвах свою пылающую внутри ненависть и скопившуюся злобу.

Ответим, что практически во всех серийных сексуальных убийствах прослеживается чрезвычайная садистская жестокость, связанная с причинением жертве невероятных страданий. Как подчеркивают М.А. Копанцова и П.В. Кузнецов, «сексуальный садизм является одним из наиболее распространенных проявлений измененной сексуальности, имеет самостоятельное психопатологическое значение, синдромологическое своеобразие и подчиняется собственным закономерностям развития» [13, с. 39]. Но самое важное при этом заключается в том, что наиболее характерным свойством данных убийств является ритуализованное воспроизведение «...перенесенных в детстве драматических переживаний» [5, с. 18].

Причем травматическим может быть не только детский опыт, инициирующий серийного убийцу проявлять его жестокость к жертве: «Образ невесты, отвергший убийцу, голос, в котором эхом отзываются злобные интонации ненавистной матери или пьяная ругань отца, – все эти призраки остаются жить в душе серийного убийцы и после совершения злодеяния. Убийство не стерло прошлое из памяти, не изменило его, потому что убийца ненавидит себя едва ли не больше, чем прежде, до того, как пережил вышший накал чувств» [5, с. 18–19]. Поэтому даже в момент убийства садист может осознавать, что он просто разыгрывает собственное травматичное прошлое.

Невозможность и нежелание принять свою слабость или несостоятельность, постоянное напряжение, тревога и иные проявления личностного дискомфорта садиста вытесняется и замещается издевательствами над жертвой, над которой он демонстрирует полную власть, яростное неистовство и издевательства, причиняющие боль, мучения и страдания, служащие источниками возбуждения и удовлетворения.

Патологическое развитие серийных сексуальных убийц происходит практически по одной и той же схеме, постепенно формирующей деструктивное поведение. К группе риска можно причислить людей, имеющих аномально дезорганизованный характер, проявляющийся в затрудненной общей и межполовой коммуникации вследствие комплекса неполноценности и заниженной самооценки. Другими проявлениями роста внутреннего потенциала серийного сексуального убийцы является постепенное оскудение интереса к работе, учебе и иным видам деятельности на фоне все большего замыкания на самом себе и роста агрессивности. Обязательным условием на данном этапе становится импринтинг провоцирующей сцены, как бы «записывающейся» в сознании, которая затем прокручивается и обдумывается иногда достаточно длительное время: «Между началом их написания и первым конкретным убийством зачастую проходят годы, а порой и десятилетия. Вид, запах крови, даже своей собственной, начинают интенсивно возбуждать, эротизировать. Затем в фантазиях объектом насилия становится человек» [6, с. 9].

Не случайно психологи единодушны в том, что фантазии серийных сексуальных убийц, становящиеся навязчивыми идеями, отражающими ущемленные сексуальные и связанные с ними потребности, играют в генезисе убийств на сексуальной почве главную роль и являются их ключевым звеном. Кроме того, подогреваются навязчивые идеи проявлениями аутизма и нарциссизма потенциального убийцы, его аутомоносексуализма, а также неопределенностью сексуальной самоидентификации. Вот почему убийство на сексуальной почве становится для садиста способом его самоидентификации в новом для него качестве [8, с. 245].

При этом далеко не все серийные сексуальные убийцы страдают в рамках вменяемости шизофренией, умственной отсталостью или эпилепсией. Многие из них прекрасно осознают антисоциальный характер и социально-деструктивные последствия своих действий.

Однако не следует полагать, что изнасилования или убийства на сексуальной почве – это главное или основное последствие деструктивной сексуальности садизма. Садистское силовое доминирование присуще так или иначе всем тоталитарным режимам. Оно неоднократно было описано в художественной литературе и осмыслено многими выдающимися мыслителями современности [14, с. 43–45]. Тем не менее садизм принято рассматривать как черту личности. Поэтому логическим становится признание значительного влияния личности правителя на социально-политические процессы, отражающие черты его личности. В этой связи особенно интересно, что исследования, проведенные в последние годы, подтвердили наличие в структуре личности садиста наряду с, собственно, самим садизмом также психопатии, нарциссизма и макиавеллизма. Попытки объединить различные формы и уровни проявления садизма привели к необходимости формулировке такого термина, который бы объединил их. Таким термином стал так называемый обыденный садизм, который характеризует «спектр проявлений жестокости в повседневной жизни в форме переживания удовольствия от физического, сексуального и/или психологического страдания другого» [9, с. 48]. В то же время его адекватное толкование, как правило, становится возможным лишь за счет его изучения в контексте уже указанной темной триады личностных черт.

Садизм в той или иной прямой или латентной форме лежит в основе самых кровавых и массовых преступлений в истории человечества, в том числе и в знаменитом Холокосте, в котором «...среди убийц евреев было много садистов и некрофилов – лиц, получающих удовольствие и удовлетворение от мучений и страданий их жертв...» [3, с. 12]. Практически любое проявление жестокости, имеющей деструктивные последствия, со стороны одной личности, наделенной властью, по отношению к другой, можно считать проявлением той и или иной степени садизма: «Такой тип личности может проявляться максимально широко – от государственных до серийных тиранов, от коронованных завоевателей до членов банды, измывающихся над беззащитными жертвами» [1, с. 46]. При этом особенно характерной чертой всех данных типов личности является внутренняя личностная тревожность высокой степени интенсивности, сочетающаяся с низким уровнем эмпатии, эмоциональной холодностью, неумением сопереживать другому, ригидность, злопамятность, застревание на негативных эмоциях.

Данные черты дают основание убийце, хладнокровно совершающему злодеяние, полагать, что он таким образом защищает свою жизнь, свои желания и потребности, честь и справедливость, нарушенную якобы враждебностью и агрессией со стороны других людей. При этом садизм может приобретать социальный и даже групповой характер, когда садист, желающий причинить боль жертве, действует через других людей. Объектом таких воздействий становится не всегда какой-либо конкретный человек, а целая социальная группа: «Так, нацисты преследовали евреев, а большевики – контрреволюционеров и антисоветчиков, бандиты – тех, кого они посчитали богаче и счастливее себя» [4, с. 196]. Данные виды несексуального садизма по своим масштабам и социальным последствиям зачастую становятся опаснее и катастрофичнее деструктивного сексуального садизма над одним человеком.

При анализе социокультурных последствий деструктивной сексуальности не следует забывать о том, что в ее основе всегда так и иначе находятся конкретные расстройства сексуального предпочтения, которые и определяют тип, степень и тяжесть этих последствий. Как верно отмечает С.В. Корчагин, «наряду с такими психическими расстройствами как шизофрения, расстройства аффективных состояний (маниакально-депрессивный синдром), эпилепсия в психиатрии и юриспруденции особо выделяются расстройства сексуального предпочтения, что обусловлено совершением лицами, ими страдающими, множества тяжких и особо тяжких преступлений против личности – серийные убийства, изнасилования, или же совращения, растление малолетних» [12, с. 389]. В то же время об-

щей характеристикой во всех этих преступлениях чаще всего бывает садизм, проявляющийся в желании причинить боль, физические и моральные унижения. Причем для садиста особенно важной является процессуальность происходящего, получение наслаждения от пролонгации и незавершенности осуществляемых действий.

При этом не следует считать расстройство сексуального предпочтения прямой причиной совершения преступления на сексуальной почве. Как подчеркивает Ю.А. Клейберг, «опыт развития философии, социологии, биологии, психологии, нейропсихологии и психофизиологии в XIX–XX столетиях привел к накоплению фактов, позволяющих аргументировать тезис не о врожденной, а социально-исторической природе деструктивности поведения людей, формируемой в процессе девиантной социализации личности в условиях исторически противоречивого социума» [10, с. 4]. Поэтому удерживать деструктивные проявления может лишь высокий уровень развития культуры в обществе за счет гармоничного и гуманистически ориентированного образования.

Для преодоления социокультурных последствий деструктивной сексуальности необходимо всячески развивать этику ненасилия, которая не должна восприниматься как конструкт из области грез с ее мечтательно-идеалистической сущностью. Однако социокультурные условия XXI в. свидетельствуют об ином: «...все, что происходит в области перераспределения материальных благ, управления климатом и его редактирования, бесцеремонного вмешательства в человеческое тело и мозг, все, что практически без боя уже отдано на откуп искусственному интеллекту, имманентно сопряжено с концептом насилия и правового нигилизма» [11, с. 84]. Мало у кого можно встретить даже риторическую способность к самопожертвованию или отказу от личностных амбиций в пользу высоких гуманистических идеалов, что ставит вопрос о необходимости социокультурного поиска или выработке эффективных механизмов управления деструктивной сексуальностью.

Выводы

1. Проявления деструктивной сексуальности многообразны в той же степени, сколько и ее последствия. Если учесть, что фундаментальным последствием конструктивной сексуальности является появление новой жизни и утверждение ее в бытии, то, соответственно, главным и универсальным последствием деструктивной сексуальности является уничтожение, разрушение, разложение или непоявление жизни, что инициирует или приближает небытие. Садист всегда стремится унижить, поработить или уничтожить другого, превратить его в свою игрушку, в свою вещь, не встречая отпора или сопротивления.

2. Рост деструктивности человека связан с крушением у него идеалов. Ненавидящий жизнь человек – тот, кто утратил веру в лучшее и потерял всякую надежду на это. Это во многом объясняет, почему массовое крушение надежд приводит к моральной деградации общества, росту преступности, деструктивности, социального пессимизма и маргинализации общества. Возможно, поэтому даже при учете принятия идеи о принципиальной невозможности искоренению садизма и или иной формы деструктивной сексуальности важно помнить и знать о том, что его масштабы всегда можно уменьшить.

3. Деструктивный сексуальный садизм в совокупности с некрофилией, что дает основание для применения термина «некросадизм», лежит в основе патологической криминальной мотивации серийных сексуальных убийств. Если в случаях несерийных убийств и изнасилований садизм зачастую стимулируется местью за сопротивление жертвы и стремлением его подавления, то серийные убийства на сексуальной почве практически всегда совершаются сексуальными неудачниками, которые вымещают на жертвах свою пылающую внутри ненависть и скопившуюся злобу. Практически во всех серийных сексуальных убийствах прослеживается чрезвычайная садистская жестокость, связанная с причинением жертве невероятных страданий.

4. Патологическое развитие серийных сексуальных убийц происходит практически по одной и той же схеме, постепенно формирующей деструктивное поведение. К группе риска можно причислить людей, имеющих аномально дезорганизованный характер, проявляющий-

ся в затрудненной общей и межполовой коммуникации вследствие комплекса неполноценности и заниженной самооценки. Другими проявлениями роста внутреннего потенциала серийного сексуального убийцы является постепенное оскудение интереса к работе, учебе и иным видам деятельности на фоне все большего замыкания на самом себе и роста агрессивности.

5. Садистское силовое доминирование присуще так или иначе всем тоталитарным режимам. Тем не менее, садизм принято рассматривать как черту личности. Поэтому логичным становится признание значительного влияния личности правителя на социально-политические процессы, отражающие черты его личности. Исследования, проведенные в последние годы, подтвердили наличие в структуре личности садиста наряду с, собственно, самим садизмом также психопатии, нарциссизма и макиавеллизма.

6. Возможность действовать жестоко и деструктивно актуализируется лишь при подходящих для этого социокультурных условиях, которые выступают как пусковой механизм, дающий выход фрустрированной агрессии, обидам, зависти, неудачам, провалам, разрушенным надеждам или развратным сексуальным желаниям деструктивного характера. Поэтому удерживать деструктивные проявления можешь лишь высокий уровень развития культуры в обществе за счет гармоничного и гуманистически ориентированного образования.

Список источников

1. *Антонян Ю.М.* Криминология садизма // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 41–48.
2. *Антонян Ю.М.* Понятие садизма // Научный портал МВД России. 2010. № 4 (12). С. 59–65.
3. *Антонян Ю.М.* Причины холокоста // Научный портал МВД России. 2020. № 2 (50). С. 8–15.
4. *Антонян Ю.М.* Садизм и некрофилия в механизме совершения убийств // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 195–200.
5. *Антонян Ю.М.* Серийные сексуальные убийства // Профессиональное юридическое образование и наука. 2022. № 3 (7). С. 12–22.
6. *Артемьева Ж.Г., Классен М.А.* Криминологический портрет серийного сексуального убийцы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 4. С. 7–12.
7. *Багаденко М.О., Шищенко Е.А.* Совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего как обстоятельство, отягчающее наказание // Электронный научный журнал. 2017. № 4-2 (19). С. 184–188.
8. *Дерягин Г.Б.* Криминальная сексология. М: Изд-во «Щит-М», 2008. 543 с.
9. *Ениколопов С.Н., Атаджыкова Ю.А.* Феномен обыденного садизма // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2021. № 1. С. 38–56.
10. *Клейберг Ю.А.* Деструктивная эстетика как девиантологический концепт // Вестник экспериментального образования. 2015. № 2 (2). С. 1–6.
11. *Климова С.М.* Сила этики: непреходящее (к юбилею А.А. Гусейнова) // Вопросы философии. 2024. № 5. С. 81–89.
12. *Корчагин С.В., Столяр В.А.* Расстройства сексуального предпочтения: уголовно-правовая и криминологическая характеристика // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 388–397.
13. *Копанцова М.А., Кузнецов П.В.* Формирование парафильного синдрома в форме садизма, в пубертатном возрасте, у лица с органической неполноценностью ЦНС. Ретроспективный анализ случая из практики ССПЭ // Тюменский медицинский журнал. 2014. Т. 16. № 3. С. 39–42.

14. Ушаков В.Ф. «1984»: диагностика интеллектуального садизма вместо предупреждения // Acta Eruditorum. 2015. № 18. С. 43–45.
15. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 414 с.
16. Шестаков Ю.А. Аксиология исторического сознания в культуре национальной безопасности / Науч. ред. Е.Е. Несмеянов. Новочеркасск: Лик, 2021. 298 с.

References

1. Antonyan Yu.M. Criminology of sadism // Society and law. 2020. No. 2 (72). P. 41–48.
2. Antonyan Yu.M. The concept of sadism // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 4 (12). P. 59–65.
3. Antonyan Yu.M. Causes of the Holocaust // Scientific portal of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2020. No. 2 (50). P. 8–15.
4. Antonyan Yu.M. Sadism and necrophilia in the mechanism of committing murders // Gaps in Russian legislation. 2011. No. 6. P. 195–200.
5. Antonyan Yu.M. Serial sexual murders // Professional legal education and science. 2022. No. 3 (7). P. 12–22.
6. Artemyeva Zh.G., Klassen M.A. Criminological portrait of a serial sexual killer // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 7–12.
7. Bagadenko M.O., Shishchenko E.A. Committing a crime with particular cruelty, sadism, mockery, and also torment for the victim as an aggravating circumstance // Electronic scientific journal. 2017. No. 4-2 (19). P. 184–188.
8. Deryagin G.B. Criminal sexology. M: Shchit-M Publishing House, 2008. 543 p.
9. Enikolopov S.N., Atadzhykova Yu.A. The phenomenon of everyday sadism // Bulletin of Moscow University. Episode 14: Psychology. 2021. No. 1. P. 38–56.
10. Kleiberg Yu.A. Destructive aesthetics as a deviantological concept // Bulletin of experimental education. 2015. No. 2 (2). P. 1–6.
11. Klimova S.M. The power of ethics: enduring (for the anniversary of A.A. Guseinov) // Questions of Philosophy. 2024. No. 5. P. 81–89.
12. Korchagin S.V., Joiner V.A. Disorders of sexual preference: criminal law and criminological characteristics // Issues of Russian justice. 2020. No. 6. P. 388–397.
13. Kopantsova M.A., Kuznetsov P.V. Formation of paraphilic syndrome in the form of sadism, at puberty, in a person with organic inferiority of the central nervous system. Retrospective analysis of a case from the practice of SSPE // Tyumen Medical Journal. 2014. T. 16. No. 3. P. 39–42.
14. Ushakov V.F. “1984”: diagnosis of intellectual sadism instead of warning // Acta Eruditorum. 2015. No. 18. P. 43–45.
15. Fromm E. Psychoanalysis and ethics. M.: Republic, 1993. 414 p.
16. Shestakov Yu.A. Axiology of historical consciousness in the culture of national security / Scientific editor E.E. Nesmeyanov. Novocheerkassk: Lik, 2021. 298 p.

Статья поступила в редакцию 02.06.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 02.06.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 26.06.2024.